

Гуманитарные исследования

Александр Бикбов

История знания как история управления населением: по следам Мишеля Фуко

(выступление в Риге 16 января 2010)

Историчность знания. В модели или версиях модели, предложенных Фуко в работах разных лет, нет места для предельной формы «знания как такового». Знания институциональны и историчны, как сам порядок, частью которого они являются. То, что становится современным (научным) знанием: морфологическая родо-видовая классификация, «позитивная» группировка природных и социальных «вещей» по наиболее устойчивым наблюдаемым признакам, — формируется в рамках европейского политического порядка, сначала при переходе в XVI в. от монархического суверенитета к дисциплинарному обществу (сопровождающим демографический рост Европы: социальный мир утрачивает компактность), затем, с XVIII в. — к либеральному управлению населением. Вместе с компактностью общество утрачивает простоту и доступность, с которой могло бы осуществляться прямое принуждение: комплекс новых практических знаний становится ответом на это обстоятельство. Потребности и интересы контроля над природным и социальным мирами постепенно получают форму наук о природе, о государстве, о человеке, наделенных институциональной властью. Наиболее детальную проработку этот исторический маневр, привычно намечаемый Фуко пунктиром или фрагментами, получает в курсах, прочитанных им в Коллеж де Франс в 1973-79 годах. В центр исторического маневра попадает категория «населения» — индивидуализированная целостность, которой приписывается собственная телеология, не зависящая от проблемы территориального суверенитета: процветание, здоровье, безопасность. Именно «население» — связующее звено в дифференцированном комплексе знаний, или наук, охватывающих производство и налоги, градостроительство и коммуникации, наказание и контроль, физическую и психическую нормальность. Тактическая поливалентность знания. Пара-

дигма поливалентности знаний в сети властных стратегий обозначена уже в работе Фуко «Надзирать и наказывать» (1975): знание не служит прогрессу и не является простой проекцией материальных или социальных структур. Отмена пыток и показательных казней в начале XIX века, которая сопровождается возникновением криминологии и психиатрии — это не изобретение благодетелей. Точно так же, изощренность телесных наказаний Старого Порядка — не выражение субъективной жестокости законодателей. В европейском обществе XVIII-XIX вв. происходит смена рациональности наказания, которая, однако, по-прежнему основана на принципе соразмерности. В ранний период наказание сфокусировано на отмеривании боли в ответ на преступное действие, в поздний — на средствах исправления, релевантных «патологической личности» преступника. В обоих случаях оно представляет собой специфическую экономику страдания, имеющую своей целью педагогический эффект. Этот эффект всегда крайне ограничен: пытка и казнь не укрепляют почтения к монархии, а тюрьма вместо инструмента исправления заключенного оказывается фабрикой по производству преступников. Принципиальна сама властная диспозиция: даже центрированное на насилии и смерти отправление власти производит схемы знаний, претендующих на строгость, и осуществляется в их рамках. Отсюда, «тюрьма — это аппарат познания». Власть нуждается в строгой классификации: в пределе акт классификации совпадает с актом отправления власти. Но знания, на которых основываются актуальные властные отношения, никогда к таковым окончательно не сводимы, оставляя возможным дальнейший маневр и пересмотр.

Диффузия техник управления. Если власть нуждается в знании для своего эффективного отправления, и если знание содержательно определено стратегическими интересами

управления, любая научная модель общества: экономическая (рост продуктивности), социологическая (страты или классы), психологическая (норма и отклонение), – является одновременно потенциальной моделью управления, или актуальной моделью мышления об управлении/управляемости. Историческая интеграция этого знания в процедуры власти наделяет властью соответствующие дисциплины: медицину – в ходе универсализации гигиенического надзора, психиатрию – в рамках судебного процесса, градостроительство – в организации пространства проживания/перемещения и т.д. В XVIII–XIX веках эти разнородные области знания выстраиваются вокруг диспозитива либерального правления, имеющего своим объектом население. Либеральный диспозитив выражается в примате равновесия сил и взаимовыгодного обмена над монопольным распоряжением силой; в переходе от прямого (физического) воздействия на индивидов к управлению на расстоянии (с характерной для последнего проблематикой морального самоуправления индивидов); в последовательной спецификации категорий населения в целях полицейского управления, включая кодификацию/классификацию социальных аномалий; в переводе властных интересов из церемониального измерения в функциональное и экономическое; в конструировании реальной семьи как базовой «ячейки» контроля за общественным здоровьем, сексуальностью (в т.ч. детской), социальным благополучием; в отказе от воображаемой семьи как универсальной метафоры общества и политической власти. Анализируя властные интересы, в которых рождаются и институционализируются различные виды знания, Фуко указывает, что контроль индивидами собственной жизни образует общее пространство с техниками государственного управления населением. Моральное управление собой и ненасильственное управление другими – элементы единого режима правительности (*gouvernementalité*).

Конкуренция моделей знания. Итак, понятие «либеральное» получает у Фуко не идеологический, а технологический смысл: управление другими на расстоянии через вменение им таких техник самоуправления, которые обеспечивают даже более устойчивый политический результат, чем прямое принуждение. Население разделяется и управляется через усложняющуюся систему социальных категорий: зажиточные и бедные, трудящиеся и праздные, больные и здоровые, семейные и холостые, производящие и бесплодные, опекающие и опекаемые, добропорядочные и монстры, разумные и

сумасшедшие, оседлые и бродячие, образованные и неграмотные и т.д. Каждая из категорий является предметом дальнейшей содержательной спецификации в целях управления: в ходе спецификации одновременно уточняется, профилируется господствующий диспозитив. Решающая роль в этом принадлежит ученым, экспертам, политическим философам. Прослеживая генеалогию господствующих в XVII–XX вв. моделей дисциплинарного и либерального управления обществом и имманентных им форм знания, можно обнаружить, что полного отказа от предшествующей модели не происходит: в рамках либерального правления продолжают воспроизводиться релевантные суверенитету и дисциплинарные техники.

Причем поскольку основным предметом управления выступает «население», конкурирующие деления и различия, такие как политические классы, приобретают в рамках господствующего диспозитива мерцающий статус. Анализируя парадигмы власти, Фуко указывает на конфликтность категориальной сетки «населения» (Мальтус) / «классов» (Маркс) (1978, курс «Безопасность, территория, население»). Ранее, в «Словах и вещах» (1966) он рассматривает классовую парадигму марксизма как прямое продолжение политэкономии XIX века, однако и в этом случае указывает на ее конкурентность «буржуазной» версии базовой исторической эпистемы. Так или иначе, господствующий диспозитив управления не предполагает редукции конкурирующих моделей знания к одной или ослаблению борьбы за истину. Напротив, его кристаллизация возможна лишь в децентрированном и конкурентном производстве знаний.

Синхронизация диспозитивов. В одних случаях Фуко описывает диспозитивы дисциплинарного и либерального управления как хронологически упорядоченные, в других – как характерные для одного и того же исторического интервала XVII–XIX вв. Это становится ясно, в частности, при сопоставлении «Надзирать и наказывать», как образцового анализа дисциплинарного общества, с курсами «Безопасность, территория, население» или «Рождение биополитики», как парадигмальных описаний либерального правления. Данное обстоятельство не означает элементарной непоследовательности Фуко как историка. Оно означает, что различные диспозитивы исторически синхронизированы и, при различиях в своем генезисе, способны составить части одной формулы правления. Дисциплинарные техники, состоящие в захвате и упорядочении индивидуальных тел, и либеральные техники, сфокусированные на

контроле индивидуальной свободы, имеют своей целью различные зоны одного и того же общества. Соединение телесной дисциплины и уполномочения свободой в один управленческий комплекс, на основе релевантных знаний — и есть «биополитика».

Такая синхронизация диспозитивов и связанных с ними форм знания имеет прямое отношение к описанию уже позднесоветского и постсоветского пространств. Послевоенное политическое устройство СССР удаляется от мобилизационного тоталитарного, озабоченного вопросами суверенитета, каким в большой степени является СССР 1930-х. В позднесоветском обществе 1960–80-х присутствуют элементы либерального правления, распространяющиеся на самые разные области, от управления предприятием (инициатива, хозрасчет) до либеральной семейной педагогики по рецептам доктора Спока. Один из симптоматичных индикаторов: замещение в официальном языке мобилизационной категории «массы» (доминирующей в 1920–30-е) административной категорией «население» (1960–70-е). Технологии социального государства и организации быта сближают общества, расположенные по разные стороны железного занавеса. Однако позднесоветское общество не является тем же самым дисциплинарным/либеральным, как описанные Фуко европейские общества. Господствующим диспозитивом, который обеспечивает государственный интерес в СССР, продолжает оставаться патерналистская модель — непосредственное управление одних другими. В этом контексте можно сформулировать I гипотезу: по мере административной экспансии институций, выступающих носителями знаний, в большей мере релевантных либеральному правлению (в т. ч. за счет прямого заимствования европейских и североамериканских эпистемологических моделей), меняется сам режим управления, куда эти знания интегрируются. Таким представляется случай Академии наук, которая на протяжении 1960–70-х занимает все более значимое место в государственном аппарате как центр экспертизы, планирования, производства управленческих кадров. Если патерналистские и

либеральные технологии некоторым образом синхронизируются в режиме управления позднесоветским обществом, то жесткое дисциплинирование индивидуальных тел, по-видимому, не происходит ни в армии или тюрьме, ни в школе или на предприятиях — по крайней мере, в том плотном, ориентированном на максимальную эффективность ритме, какой Фуко приписывает европейским обществам XIX века. Парадоксальным образом, позднесоветское общество — это режим без ясно кодифицированной телесной дисциплины, что вкупе с указанным сочетанием патерналистского надзора и либерального самоуправления составляет одну из его специфических характеристик.

Картина в очередной раз теряет очертания в ходе политической либерализации конца 1980-х — начала 1990-х, которая не означает внедрения техник либерального правления, но демонтаж ряда институтов политического и идеологического надзора. По мере переориентации различных социальных производств на эффективность и коммерческую доходность в 1990–2000-х в постсоветские общества внедряются инструменты либерального управления, которые наиболее широко представлены в коммерческом секторе и в политике, приобретающей отчетливую экономическую доминанту. Однако наряду с ними, в тех же или в иных социальных сферах, можно по-прежнему без труда обнаружить диспозитив патерналистского управления — прямо и окказионально используемую власть одних над другими. Помимо прочего, это можно косвенно проследить по изменениям социальной политики (по крайней мере, в постсоветской России), где «население», с его здоровьем и благополучием играет даже менее значимую роль, чем в позднесоветский период. Подобная практическая и категориальная «незавершенность» либерального диспозитива позволяет сформулировать II гипотезу: в современных постсоветских обществах технологическая формула правления имеет еще более подвижный и «пористый» состав в сравнении с западноевропейскими обществами — некоторые элементы либерального правления и индивидуальной дисциплины имплантируются на упрочивающейся патерналистской основе.